

ГЛАВА 14

- На! На! Тебе звонят! – грубо тыкал отец мобильником мне в лицо на следующее утро, стоя у изголовья кровати. – Из «Оптторга» звонят тебе!

Я разлепил глаза, с трудом понял, что происходит вокруг. Еще секунду назад я спал мертвецким сном, а через мгновение уже держал подле уха трубку телефона.

- Да, алло, - произнес я, пытаюсь заставить мозг работать.

Звонила менеджер базы, ей под заказ понадобилась тонна стирального порошка. И товар был нужен срочно – завтра, а значит, мы должны были его привезти уже сегодня. Мой мозг заскрипел, проснулся и принялся за работу. Отец позвонил поставщику – там сообщили, что товар есть, я набрал «Оптторг» и сказал, что заказ сегодня привезем. Пора было собираться в дорогу. Я встал с кровати и меня закачало от вчерашнего алкоголя. Я побрел в душ.

Через два часа, в одиннадцать, мы выехали со стоянки. Голова болела. Я достал из бардачка таблетку цитрамона, сунул ее в рот, запил и постарался расслабиться. «Два часа ехать, чуть посплю и голова, может, пройдет», - подумал я и закрыл глаза.

Я продремал всю дорогу. В офисе производителя нас ждала неприятная новость – порошка на складе не было, его должны были подвезти к нашему приезду с удаленного производства, но не успели. Как быть? Время – час, производство в девяноста километрах.

- Поедем? – скосился я на отца, стоявшего рядом.

- Поедем, конечно! Куда деваться! – раздраженно взмахнул руками тот.

В полвторого мы отъехали от офиса, пропетляли по Липецку, выбрались за город и покатали на север. За окном замелькал привычный пейзаж, посадки деревьев нескончаемо потянулись по обе стороны дороги. Головная боль ушла, и в мозгу зашевелились мысли. «Странно, работали-работали, и на тебе, началось. Зачем он так себя повел? Не понимаю. Тупо. «Газель» моя! Хотя, его конечно». Тут я снова вспомнил, что формально отец прав, ведь он вложил в наше дело за последние два года сумму примерно равную стоимости машины. «Ну, пусть «газель» его, я и не против. Но совсем не обязательно вести себя так агрессивно. Странно. Надо же, как он сразу кинулся делиться. И с кем, с сыном. Смешно. Интересно, смог бы я так же у сына отжать машину?» Я хмыкнул вслух глупости мысли. «Действительно глупо, зачем обозначать такой дележ? Я же, в конце концов, нормальный сын – не алкаш, тружусь, не ленюсь.» Тут же вспомнил, что машина оформлена на меня. «Может, он этого испугался?» Я снова хмыкнул, сильнее отвернувшись к окну. Общаться с отцом не хотелось. «Неужели он не видит, что три четверти работы делаю я, а ему остается только роль водителя и второго грузчика?» Что послужило толчком таким моим мыслям? Вчерашний скандал? «А может, все мое недовольство копилось постепенно, как и его недовольство?» Прошедшим вечером отец действительно выглядел злым. Я давно не видел его таким. В детстве только, когда редко порол или бил меня. «Он жестокий. Не жесткий, а именно жестокий. Всегда спокойный, а иногда очень жестокий».

После последней ссоры я стал еще более критичен к отцу. Дымка связи «отец-сын» улетучилась, и я стал беспристрастно анализировать его действия, и прошлые, и текущие. Выводы меня отрезвили. Я увидел другого человека. И досада в душе стала копиться.

На производстве мы оказались в начале четвертого. Это был обычный ангар среди прочих цехов и складов на окраине райцентра. Загрузившись, в обратный путь выехали в четыре. Проскочив без двадцати шесть Липецк, в семь тридцать мы влетели в «Оптторг».

- Вот кому не пропасть! – воскликнула знакомая тучная кладовщица, глядя на нашу машину, заложившую крутой вираж, пискнувшую тормозами и тут же покотившую задом к воротам склада. Я на ходу выскочил из кабины.

- Ром, что это значит!? – уперла наигранно строго руки в боки кладовщица.

- Только не ругайтесь! – подыграл я, поздоровавшись. – Время – полвосьмого! Мы прям с дороги и сразу к вам, ездили за порошком, срочный заказ!

- Да как это не ругаться!? – продолжала та. – Поводился под конец дня приезжать!

- Первый и последний раз! – принял я жалостливую позу. – Обещаю!

- Да ну тебя! – отмахнулась тетка. – Чего привез? Пятьдесят мешков порошка?

Я кивнул, задний борт «газели» приблизился к воротам склада, машина заглохла. Я расчехлил тент, открыл борт, прыгнул в кузов. Из склада подошли два грузчика.

- Так, порошок, пятьдесят мешков, туда несите! – скомандовала кладовщица.

- Здрасьте вам, - подошел отец намеренно расслабленной походкой, улыбаясь.

- И вам не хворать! – откликнулась тетка. – Толь, что это такое!? Время сколько!?

- Вот! – указал рукой отец на меня. – У меня директор есть! Все вопросы к нему! Я только руль кручу!

- Ох, директор! – посмотрев на меня, закатила иронично глаза кладовщица.

- Директор мешки таскает! – парировал я отцов перевод на меня, подавая мешок за мешком. – В нашей фирме сложно быть директором! Коммерция – штука такая!

- Ох, коммерсанты! – покачала головой тетка и пошла в склад.

Закончили ровно в восемь. Я выпрыгнул из кузова, кругом стояла тишина. Дневной торговый гам стих, покупатели разъехались, по территории базы бродили лишь ее усталые работники. «Хорошая тетка», - подумал я уже по пути домой, поняв одну из особенностей или закономерностей жизни – с кем отношения начались сложно, коряво, даже враждебно, с тем потом они станут наилучшими; и наоборот, смотришь вроде, замечательный человек и мягкий, и чуткий и вокруг тебя вертится, а позже понимаешь – такое говно. Кладовщица в душе оказалась теткой хорошей. Поначалу мы с ней ругались постоянно. Коммерсантов та презрительно называя «торгашами». И к нам по первому времени тетка относилась так же. А как увидела, что работу свою делаем сами и своими руками добываем кусок хлеба, то, думаю, после такого и сменила гнев на милость. До самого последнего дня ее работы на базе мы так и оставались в приятельских отношениях. А уволилась она не заметно году в 2008, наверное. Точно не помню.

- Надо дихлофосы везти в «Пересвет»! – заявил я отцу с утра, едва вышел из душа.

- Надо, - сказал тот, греясь в лучах солнца на балконе с чашкой кофе в руке.

- Мне кажется, Илюха в «Арбалете» нам не даст сейчас товар, мы и так по бартеру должны двадцатку, и так вперед выбираем товар, - высказал я сомнения.

Отец закивал и закинул ногу на ногу.

- Че ты киваешь? – удивился я.

- Я думаю, не даст, - произнес отец без какой-либо интонации.

- В «Саше» еще можно было бы взять дихлофосы, но сумма слишком велика, у нас там бартер вообще копеечный и всегда сальдо держим примерно нулевое, - продолжил я вслух искать решение, желая услышать и мысли отца. – А вперед «Саша» не даст тоже...

Отец снова кивнул, смакуя, глотнул кофе. Я уловил, что уже привычно начинаю раздражаться равнодушием отца в ответах. Нет, я не путал равнодушие со спокойствием.

Я подметил эту особенность отца – отвечать уклончиво, обтекаемо, не выдавая никаких собственных решений. В который раз я пытался выработать общее решение, составить его из мыслей двух человек, но отец отработанно выскальзывал из такого диалога.

- Ну!? – нетерпеливо выдал я, разведя руками. – И что делать будем!?

- Ничего, - в том же тоне произнес отец.

- Как – ничего!? – едва не выкрикнул я.

- А что мы можем сделать? – посмотрел на меня отец. – Дихлофосы ведь не дадут?

- Не дадут!

- Ну? – произнес отец.

- Что – ну!? – вытаращился я на него.

- А от меня ты что хочешь? – глотнул отец кофе и задрогал ногой.

- Я посоветоваться с тобой пришел! – чуть не захлебнулся я негодованием. – Какое-то предложение от тебя услышать, а ты отвечаешь мне какими-то нейтральными фразами, типа тебе все равно, завезем мы в «Пересвет» дихлофосы или нет.

- А чего мне переживать? – удивился отец. – Дихлофосы же нам не дадут?

- Не дадут! – повторил я, чувствуя, как растущая внутри пустота остужает мой пыл.

- Ну, вот и ну, - произнес отец, отвернулся к окну и принялся любоваться пейзажем двора. – О чем разговор? Дихлофосы не дадут. Все.

«Так просто!!!???» – захотелось мне заорать, в секунду в голове случилась буря. Я не понимал откуда в отце такое безразличие, уставился на него растерянно. Отец глянул на меня, хмыкнул в улыбку.

- Что смотришь? – произнес он.

- Да так. Удивляюсь тебе! – сказал я. – Есть возможность заработать, а ты как-то так спокойно ее отфутболиваешь!

- Почему отфутболиваю? Дихлофосы же не дадут. Значит, и возможности нет.

- Да как нет!? – снова стал заводиться я. – А другие возможности рассмотреть или придумать!?

- Придумай, - пожал плечами отец, снова глотнул кофе, дрыгнул пару раз ногой и продолжил смотреть на меня с невыносимо вязким спокойствием.

- Значит, надо купить эти дихлофосы! – выдал я. – Просто взять и купить в деньги!

- Если надо, купим, какие проблемы? – произнес отец.

Я сдавленно вздохнул и попытался унять свое раздражение. Ругаться не хотелось. Возникшее меж нами взаимное недовольство и так росло гипертрофированно. Я насильно взял себя в руки, успокоился и стал думать только о деле.

- Сколько у нас налички дома? – выдавил я из себя.

- Надо посчитать, - так же вязко произнес отец и добавил с оттенком примирения. – Тысяч сорок есть, я думаю.

- Так, нормально! – переключился я на действие, забыв негатив и обиды. – Сейчас позвоню в «Сашу», если у них есть в наличии, то купим и сразу в «Пересвет» закинем.

Отец мерно закивал, но я уже выскочил с балкона. Дихлофосы были. Через полтора часа мы уже были в районе алкашей и наркоманов. Въехали на территорию «Саши». Отец остался в машине, я поднялся в торговый зал. Сергей встретил меня радушно.

- Что это ты решил затариться дихлофосами? – удивился он.

- Да вот, клиент заказал, - ответил я.

- Ну да, у нас тоже сейчас дихлофос влёт идет! – произнес Сергей. – Как раз, вот, фура пришла три дня назад, и за два дня расписали почти весь дихлофос!

- В смысле, расписали? – не понял я слова.

- Сезон же! – пояснил Сергей, приняв вальяжную позу. – Клиенты за дихлофосами в очередь! У нас машина приходит, бывает такое, мы ее еще в пути расписываем, кому и сколько отдать. Вот и эту уже почти всю расписали сразу.

- Ничё се! – удивился я и задумался. – Круто!

- Да! – С лентой потянулся Сергей. – Тут у нас так! Фурами торгуем...

- Накладную я пробила, вот, - сказала подошедшая девушка-оператор, протянула мне документы. – Складскую накладную я передам кладовщику. Пойдемте в кассу.

- Ну, я тут тебе цену сделал самую низкую, в деньги ведь берешь, - добавил Сергей.

- Цена хорошая, я тебе через пять процентов продал.

Я кивнул.

- Давай, Катя, накладную, я сам вниз отнесу! – сказал Сергей.

Я отсчитал в кассе двадцать девять тысяч и вышел на улицу, махнул отцу, «газель» подкатила к складу. Я открыл борт и стал принимать товар.

- А куда везешь-то? – произнес Сергей, оказавшись рядом. – В район, небось?

- Да, из области заказ, - соврал я.

- Ааа, - понимающе кивнул тот.

Я закрыл борт, пожал руку менеджеру и прыгнул в кабину.

«Знал бы ты, Сережа, куда я везу эти дихлофосы, прям тебе под нос, а не в район», - подумал я, не сдержался, улыбнулся и хмыкнул от удовольствия. Через двадцать минут мы были на базе. В кабине я выписал накладную, наценив на товар двадцать процентов, и пошел в офис. После заглянул на витрину – дихлофосов не было – и пошел на склад.

- Дихлофосов нет давно! – кисло сказала Галя. – Вот как ты в тот раз приезжал, так их как продали, так больше и не привозил никто! А сколько ты там привез?

- Тридцать восемь коробок! – выдал я возбужденно.

- О! Да это мало! За два дня продадим! – отмахнулась кладовщица.

- Да ладно!?! – открыл от удивления я рот.

- Вот посмотришь, - сказала та.

- Ну, как продадите, еще привезу! – обрадовался я, чуя запах прибыли.

Сдав товар, мы уехали. На календаре была пятница 23 июля.

- В понедельник привезем свой товар в «Пересвет», - сказал я отцу по пути домой.

- Заодно посмотрим и продажи дихлофосов. Интересно!

- О! Да разобрали все за два дня! – фыркнула Галя в понедельник, едва я поднялся на склад. – Сегодня утром забрали последние две упаковки, так что, везите еще!

Я ошалел.

- Завтра привезем еще столько же! – заявил я отцу.

Во вторник с утра мы купили в «Саше» вторую партию дихлофосов – уже на сорок тысяч. Округленные глаза менеджера Сергея выдавали его удивление и интерес с головой.

- Неплохой у вас клиент в районе появился, растете! Кто ж такой-то!?! – произнес он, задумчиво пожевывая толстые губы.

Я не ответил, меня охватила коммерческая лихорадка. Мы покатали в «Пересвет».

- Не, кроме ваших дихлофосов так никаких и не было! – отмахнулась грустно Галя и радостно поинтересовалась. – Привезли еще!?

- Какой-то Клондайк, а не «Пересвет» прям! – очумело сказал я отцу уже по пути домой. – В четверг надо будет заехать, узнать продажи, вдруг еще придется везти!

- Так мы в пятницу заедем, как обычно, - произнес отец. – Какая разница?

- Большая! Тут счет на часы и дни идет! Сейчас сезон! Еще пару недель и дихлофос никому нафиг будет не нужен! Надо возить, пока продается! В четверг заедем! – отрезал я.

- Ну, заедем, - вяло согласился отец и потянулся за очередной сигаретой.

Четверг. Полдень. Мы в «Пересвете». На складе лежало две коробки из пятидесяти! Коммерческий раж завладел мною полностью, мысли сорвались с цепи.

- Сколько у нас денег дома!? – вцепился я взглядом в отца, вернувшись в «газель».

Тот задумался, подсчитал, выдал: «Тысяч пятнадцать есть».

- И все!? – удивленно вытаращился я.

- А что ты хотел!? Выплаты почти везде у нас в пятницу! – пожал плечами отец. – Получим в «Пересвете», в «Меркурии», с розницы что-то набежит, тогда будет больше.

- Не, так не пойдет! – лихорадочно соображал я. – А на книжке у тебя сколько!?

- Нет! Вот с книжки я снимать не буду! – отрезал резко отец.

- Да какая разница!? – недоуменно сказал я. – Снимешь, потом положишь обратно! Мы за то деньги заработаем!

- Я с книжки снимать не буду!! – отдельно, почти по слогам процедил отец. – Хватит! Уже и так без конца снимаю!

- Па! – улыбнулся я. – Куда ты эти деньги складываешь там!? Солишь что ли!? Они в банке лежат просто так, без дела. Лучше пусть крутятся! Никто не отнимает твои деньги. Заберешь их обратно, когда не нужны станут, и все! Какие проблемы!?

- Я сказал, снимать не буду! – отрезал отец.

- Ну... – озадачился я. – Раз так, то не знаю... можно попробовать уговорить «Сашу» на частичную оплату и отсрочку. Еще, можно в «Арбалете» попробовать дернуть сколько дадут без денег, а на имеющиеся деньги купим остальное в «Саше». Точно! Так и сделаем!

Я тут же из машины позвонил в «Арбалет». Менеджер Илья загундел в трубку, что сальдо на двадцать пять тысяч и так в нашу пользу, долг большой, и на дихлофосы сейчас сезон, их метут в деньги, а я хочу их получить в бартер... и бла-бла-бла. Отказ, в общем.

- Вот козел, - буркнул я, уже звоня в «Сашу». – Алло, Сергей, привет!

Но дихлофосов в этой фирме уже не было.

- Жаль! – поморщился я от досады. – Как придут, сразу мне позвони, ладно!?

- Хорошо, позвоню, конечно, - сказал менеджер.

Я отложил телефон на сиденье.

- Нет дихлофосов, блин! Вот это облом! В самый разгар сезона!

- Можно в «Арбалете» купить, - произнес спокойно отец. – Там же есть.

- Нет, у Ильи покупать нельзя! – отрезал я. – С ним работаем в бартер. Он привык к этому. Щас раз купим, и начнет руки выкручивать, предлагать все в деньги. Не вариант!

- Ну, тогда все, - сказал отец, заботливо протерев руль тряпкой.

- Тогда все, - кисло согласился я.

Июль кончился. Август начался с закрытия отдела в магазине. Впервые за три года мы сделали шаг назад. Неприятно. Впереди маячил и второй. Отец недовольно ворчал.

- Видишь, к чему приводят твои – давай-давай!?! – поучал он меня в понедельник. – Вот результат непродуманного открытия розничной точки, вывозим товар обратно!

- Да, а почему это мои непродуманные решения? – уже не удивился я заранее известному сценарию диалога. – Мы же вместе работаем, вместе и решения принимаем. Ты же не был против открытия этого отдела.

- Я был против, но я же знаю твой характер! – продолжал отец выгораживать себя. – Тебе же если в голову что-то придет, то все, тебя отговорить невозможно.

- Да почему это невозможно? – возразил я, понимая бесполезность разговора и ведя его из другого интереса. – Ты и не пытался меня отговорить, согласился сразу.

- Я потому и не пытался, что тебя отговаривать бесполезно, - разводил демагогию отец. – Ты же упертый как баран!

- Не, баран это ты у нас! – улыбнулся я, довольный сказанным.

Отец опешил, остановился с коробкой в руках, лупая на меня глазами.

- Ну, ты же по гороскопу овен, так? – продолжил я с улыбкой. – А овен, это баран.

Отец смотрел на меня внимательно. Я на него, не отводя взгляда. Через мгновение, не сказав ни слова, со злостью в глазах отец продолжил работу. «Проглотил? А ты как хотел, срать на меня просто так? Нет уж, папаня, нет желания слушать весь твой бред», - подумал я и, злорадствуя, понес очередную коробку из машины в склад. Остаток выгрузки мы провели в густом негативном молчании. Все люди разные – одни сразу дают отпор любому, кто посягнет на их личность; другие терпят все подряд и всю жизнь, теряя в себе человека; третьи отступают, пока не упрутся в предел терпения. Первым я завидовал, по воспитанию будучи довольно мягким. Вторые вызывали во мне физическое отторжение. Я отступал, не отвечая на нападки отца до тех пор, пока не уяснил очевидное – прикрываясь «отцовством», он распространял свое положение главы семьи на общий бизнес, подавляя мое равенство, принимая мою активность как должное и скрупулезно подмечая промахи. И в этот момент наступил предел. Я более не желал мириться с таким положением дел.

- Вов, ты заебал уже! – гаркнул я на друга, предварительно оглядевшись, нет ли рядом отца. – Ты эту дверь скоро нахуй отломаешь!

Мы стояли на внешней стоянке «Пеликана», заехали, как обычно за остатками. Я позвонил Вовке, тот и пришел, начав возбужденно рассказывать очередную историю из своих будней, по привычке принялся мотать дверью.

- Блять, Рамзес, прости! – заржал он и отпустил дверь. – Не знаю почему, прихожу к вам и всегда эту дверь кручу! Чо, как бизнес у вас!? Все жиреете!?

- Вов, да какой жир!?! – отмахнулся я, ступив из распахнутой кабины на гравий. – Я тебе говорил, что точку одну собрались закрывать?

- Не, не говорил! – мотнул Вовка головой, едва снова не схватившись за дверь.

- Закрыли с первого августа, месяц поработала – минус десять тысяч, - сунул я руки в карманы и захрустел мерными шагами по гравию. – Такой вот жир, Вован!

- Ничё се! – вытаращился тот. – Деньги что ли пиздили продавцы!?

Я кивнул.

- Пидорасы, блять!!! – взорвался Вовка. – У нас такие же работают! Глаз да глаз нужен! Пиздят вся подряд! И чо теперь, у вас сколько, три точки осталось!?

- Ну да, три, - кивнул я, завидев отца, идущего с продуктами в руках к нам. – Да нормально! Точка же прибыли не давала, только убытки, так что стало даже лучше.

- Сок принес, булочки и тебе шоколадку, - произнес подошедший отец и положил продукты на сиденье. – Я не знал, какой сок ты любишь, купил мультифрукт.

- Спасибо, па, - буркнул я.

У Вовки затарахтел сотовый на поясе.

- Да! – гаркнул он в трубку и понуро добавил. – Иду.

- Куда ты? – поинтересовался я.

- Да, вызывают, блять, на работу! Заебали! Ой! – Вовка осекся, вспомнив, что мой отец уже рядом, залился вмиг в лице пунцовым цветом и только и смог выдавить. – Пойду я, надо сходить, вызывают, сейчас приду, вы не уезжаете еще?

- Не, не уезжаем, - сказал я, с трудом сдерживая улыбку, косясь на жующего булку и улыбающегося отца. – Я с тобой пойду.

Миновав ворота, мы пересекли главную асфальтовую площадку базы до конца.

- Я тут тебя подожду, - сказал я, оставшись снаружи под навесом у входа в офис.

- Я быстро! – гаркнул Вовка и, косолапо шаркая сандалиями, нырнул в здание.

На улице под навесом стояли три кресла. Из тех, что раньше были в актовых залах и кинотеатрах – строенные с откидывающимися сиденьями, обтянутые темно-красным дерматином. Я плюхнулся на одно из них, обвел взглядом базу, по территории которой под палящим солнцем нехотя перемещались люди. Минут десять я созерцательно сидел, стараясь не двигаться, чтоб не потеть. Со стороны въезда из-за угла появилась большая синяя «пежо». «О, эта женщина приехала!» - оживился я. Машина плавно подкатила к старому офису напротив складов, дверь открылась. «Джина Лоллобриджида», как я ее прозвал про себя, вышла из машины. Обтягивающее пышные формы темное синее платье сильно выше колен, шпилька, черная копна мелированных коричневыми «перьями» волос...

- Все, Рамзес, пошли! – рявкнул за спиной Вовка.

Я глянул на друга, тот в три шага оказался рядом.

- Чего расселся!?! – рявкнул снова он, вцепился в свободное крайнее кресло и затряс его, вся тройка кресел задергалась вместе со мной. – Вставай, давай, буржуй!!

Я встал, глянул в сторону «пежо», женщины не было, зашла в здание. Мы побрели обратно к «газели». Прошли мимо «пежо», свернули за угол, вошли в узкий проезд между зданиями. До «газели» оставалось два шага, когда Вовкин телефон снова затарахтел.

- Да! – гаркнул тот в трубку.

- Чего там? – произнес я.

- Блять, да опять это ебаное вино, как оно меня заебало, - тихо выругался Вовка, косясь на стоящего в нескольких метрах моего отца.

- Обратно вызывают?

- Ды да! – Вовка провел рукой по лицу, взъерошил волосы и потрянул головой.

- Не грусти, Вован, на выходных ходим в «Небо» наквасимся там до соплей!

- Не получится, Рамзес! У меня отпуск начинается со следующей недели. Поеду к родителям. Присмотришь за квартирой? Я тебе ключ оставляю?

Я ответил согласием, и мы распрощались. Вовка шмякнул мою ладонь с размаху своей жесткой рукой, пожал ее и побрел в офис.

В пятницу 6 августа я получил ключ.

Впереди маячили выходные, и я уже мысленно радовался перспективе захватить с собой из клуба девушку в пустующую квартиру друга. Но оказался я там в понедельник, после очередного напряженного трудового дня и легкой ссоры с отцом. Настроение было гадкое. Я переступил порог квартиры и сразу понял, чего мне жутко не хватало – личного

пространства, возможности побыть одному. Я медленно обошел квартирку. Внутри было тихо. Мне понравилось. Никого. Я один. Полная свобода действий. Снаружи раздавались звуки улицы. Я вышел на балкон, облокотился на перила, закурил. Даже сигарета казалась особенной, будто наполняла мои легкие не никотином, а волшебным дымом свободы. Я докурил и нырнул в прохладу комнаты. После принял душ и, натянув лишь трусы, смачно плюхнулся на Вовкину двуспалку, растянулся звездой во все углы и замер, уставившись в облупленный потолок. Тут же стало тоскливо. Я осознал, что хочу собственную квартиру. «Двадцать семь лет, я живу с родителями, своей квартирой и не пахнет», - подумал я и отчетливо понял, что жизнь с родителями тяготит ужасно – постоянные ссоры, гнетущая атмосфера, которой мне становилось все труднее дышать. Я задыхался там. «Сколько еще так протяну, год, два, три?» - тоскливые мысли склизко вползли в душу. Решив отвлечься, я включил телевизор. Полегчало. Через полчаса воздух с улицы нагрел комнату, высушил мою кожу, и я задремал. Проснулся, когда за окном уже угасал день. Я прошел на кухню, сделал себе чаю и пару бутербродов. Поужинал и поехал домой. Странный вечер, но мне понравился! Как глоток свежего воздуха. Всю неделю я провел в таких поездках – садился после работы в маршрутку, ехал в пустую квартиру, пилился с кровати в потолок и думал. Мысли бродили в лабиринтах мозга, ища выход и ответы на сложившиеся обстоятельства.

«Странная ситуация, все тяжелее и тяжелее. Мать становится просто невыносимой. Я понимаю, она мстит отцу за совместную жизнь. Надо же, я всегда считал нашу семью образцовой – у меня самая-самая мама, лучший папа, как мне повезло с родителями. Я так думал, до... Даже не знаю до каких пор. До сегодняшнего момента? Пожалуй, года два назад я стал задавать себе неудобные вопросы и вот, ответы на них. Мать ненавидит отца, причем столь сильно, что желает ему смерти. Эти ее эмоциональные выкрики о том, чтоб он скорее сдох, и что она не даст ему жизни до конца дней, вгоняют в ступор. Перепадает и мне. Мать считает, что я отцовский прихлебатель, держусь за «папеньку» только из-за денег и неумения самому что-то решать в жизни. В ее глазах я вижу полным говном. И отец ведь так считает. Голова человека удивительно устроена. Его оскорбляют, мешают с грязью, и из всех оскорблений человек выбирает то, что относится попутно и к другому. Еще и поддерживает. Так, наверное, он пытается сохранить свое самоощущение в норме. Вот и отец со спасительным удовольствием поддерживает выпады матери в мой адрес, что я совершенно бесхребетная амеба, что не пытаюсь заработать денег с отцом на равных, а повис на нем от бессилия и не умения реализоваться самому. Заколдованный круг. Мать считает меня неудачником. Отец ощущает себя моим благодетелем, а сына трусливым лентяем. Неужели я действительно кажусь таким со стороны? Жуть, если так и странно. И где выход? Купить квартиру я не могу, нет денег. Даже если мы продолжим трудиться в том же темпе, не раньше, чем через пять лет я наскребу на однокомнатную квартиру. Если только не случится маленькое чудо. Уйти на съемную квартиру сейчас? А толку? Пустая трата денег. Да и отец не одобрит такое, скажет, что я трачу общие деньги. Я работаю каждый день, и у меня нет своих денег. Парадокс. Отец и так постоянно с недовольным видом выделяет мне те крохи, что я просаживаю в клубе. И ведь это действительно крохи. Мы с Вовкой умудряемся напиваться за смешные суммы. Наши отношения с отцом явно портятся и, что самое неприятное, кажется, необратимо. Отец из-за природной упертости, даже в ситуациях, где он неправ, не отступает. А моя природная мягкость стремительно уходит, я становлюсь жестче».

Я открыл глаза. Потолок. Мысли продолжали кружиться в голове, но уже устав, вяло докучали мне откуда-то из глубины. Полусонное состояние. Внутренний протест, ворочавшийся в груди последние дни, чуть ослаб. Я втянул воздух всей грудью и шумно выдохнул. Пятница, поздний вечер, пора было собираться домой. Я выпил чаю и, уже обуваясь в коридоре на затоптанной циновке, снова ясно услышал свой внутренний голос: «Квартиру куплю ровно в тридцать лет и чудо случится!»

Вовка вернулся воскресным утром, разбудил меня своим ором и вынудил ехать к нему. Остаток дня мы провели у него в квартире: пили чай, курили, чесали языками обо всем подряд. А вечером поехали в «Чистое небо». Жизнь вернулась в привычное русло.

В середине августа подумалось о приближающейся осени и стало грустно. Дни текли однообразно. Тема с дихлофосами стихла окончательно. «Арбалет» не давал их в бартер, в «Саше» дихлофосы так и не появились. Я названивал менеджеру Сергею, тот извиняющимся тоном мямлил, что ничем помочь не может, товара нет, весь продан. Я некоторое время нервничал из-за упущенной возможности заработать, но к концу августа успокоился и твердо решил следующим летом заняться дихлофосами основательно.

23 августа я позвонил в «Арбалет» по поводу очередного заказа. Трубку взял Илья. Его голос показался мне чрезмерно вежливым и даже заискивающим. Я удивился этому, но не придал значения. Илья торопливо озвучил заказ и поинтересовался, когда привезем товар. Я сказал, что часа через два-три. Менеджер обрадовался и положил трубку.

В офисе «Арбалета», увидев меня, Илья засуетился – вскочил со стула, энергично пожал руку и быстро оформил накладные. Не заметить чрезмерной приткности менеджера было сложно. Я простился и вышел в коридор. Где меня и нагнал Илья, пугливо озираясь, сказал: «Ром, у меня тут сложилась ситуация, можешь помочь?»

- А что случилось? – остановился я в конце коридора у самой лестницы.

- Я тебе расскажу, только не здесь, - еще сильнее забежал глазами Илья. – Давай, ты разгрузишься, позвонишь мне, я выйду вниз к курилке и там поговорим, хорошо?

Я согласился и пошел на склад. Через полчаса на улице Илья, все так же озираясь по сторонам, рассказал мне о том, что с магазином у него и напарника не вышло, прибыли он так и не принес, и решили магазин закрыть. Непроданный товар девать было некуда, и время оплаты за него близилось, а денег у горе-бизнесменов нет.

- Могли бы вы товар выкупить по оптовой цене за наличку? – подвел Илья к итогу. Помочь я согласился. Отец тоже сказал, что выручить Илью было бы хорошо и правильно. В конце той же недели мы забрали из уже закрытого магазина товар. Илья, получив сорок шесть тысяч на руки, просиял от счастья, рассыпался в благодарностях, долго тряс нам с отцом руки и едва не прослезился. Его поведение вызвало у меня улыбку, а на душе стало приятно, все-таки выручили знакомого человека. Возможно, и он нам поможет когда-то?

Лето пролетело, словно и не было. Первая неделя осени традиционно прошла под знаком Дня города. 4 сентября мы с Вовкой напились в «Чистом небе». Заведение снова лопалось изнутри от количества людей. И остальные выходные сентября мы проторчали в клубе. И выходные октября. И ноября. И всю зиму. И весну.

В октябре я случайно встретил в центре Аню, ту, с которой вышел лучший поцелуй в жизни. Увидев меня, она даже будто загорелась глазами. Но встреча меня не обрадовала, я даже на мгновение обозлился, вспомнив все выкрутасы и жеманство Ани. «Поползла», -

мелькнуло в моей голове, когда я заметил, что та все-таки не удержалась в своих самых привлекательных формах, расплнела и подурнела.

- Привет, - буркнул я, идя мимо.

- Привет, - пискнула чуть растерянно фальцетом девушка.

Я прошел не задерживаясь, не оборачиваясь и больше Аню не встречал.

В тот день Вовка допоздна дежурил на базе, и вечером я оказался один в «Чистом небе». Меня настиг осенний сплин, и не хотелось ничего. Алкоголь не разогнал хандру, а лишь усилил. Я механически бродил по клубу, по очереди подпирая обе барные стойки. После часа ночи охрана положила прибор на свои обязанности, и в заведение потянулся всякий сброд. Вновь захотелось выпить. Я пошел к малой стойке, где бармен уже общался с какой-то посетительницей. Миниатюрная брюнетка покачивалась, ее голова свисала к стойке, и всклокоченная копна вьющихся волос закрывала лицо посетительницы. Перед ней в развернутой упаковке лежала плитка шоколада. Посетительница вскинула голову и уставилась на меня мутным взглядом. «Ого!» - подумал я, увидев изможденное лицо неопределенного возраста. Ей можно было дать и тридцать пять и на десять лет больше. Лицо женщины носило отпечаток сильного и регулярного употребления. Ее джинсовый костюм выглядел неряшливым и таким же засаленным, как и копна местами слипшихся волос. Передо мною стояла алкоголичка.

- Хошь шоколадку? – с трудом произнесла она, покачиваясь на тощих ногах.

- Нет, спасибо, - мотнул головой, поморщился и отвел взгляд в темноту танцпола.

Женщина пару секунд разглядывала меня, повернула голову к бармену, хмыкнула, неухоженной рукой с грязными обломанными ногтями заторможено зашуршала в фольге, наткнулась пальцами на дольку шоколада, произнесла: «Ну а я съем», и потянула ее в рот.

В женском пьянстве есть что-то глубинное в своей отвратительности. Мне стало неприятно. Я снова поморщился и ушел на танцпол.

Через полчаса я окончательно впал в скуку, вышел на улицу и неспешно потопал к гостинице. Алкоголь выветрился совсем. Я машинально проделал путь до машины Эдика, распахнул заднюю дверь и ввалился в салон.

- Здравова! – выдал я, заметив, что впереди на пассажирском сидении сидит какая-то дама. Эдик протянул мне руку, я ее пожал, глянул вправо и онемел – та самая алкоголичка из клуба. Естественно, она меня не помнила. Я удивленно посмотрел на Эдика.

- А мы вот... сидим... общаемся... - расплылся в масляной улыбке тот.

Тетка глупо захихикала.

Ситуация была яснее ясного. Я попросил Эдика отвезти меня, и через полчаса был уже дома. При следующей встрече студент похвастался мне итогом встречи с той теткой.

- Я тебя отвез... – расплылся он в довольной улыбке – А потом мы обратно поехали по окружной, а там фонарей нет... Я остановился на обочине у лесочка... ну и...

- Ясно, - кивнул я, растянув лицо в резиновой формальной улыбке.

Эпизод с Эдиком дал пищу моему мозгу на весь день. Я не понимал его поведения. Даже если отбросить сантименты и забыть, что у Эдика есть девушка, выходила все равно дрянь – неразборчивость парня для меня была схожа с обшариванием мусорных бачков в поисках еды. Я представил, как Эдик и эта опустившаяся женщина занимаются сексом – рвотный позыв возник тут же, мне стало физически плохо. «Странно, - подумал я, - люди с таким удовольствием находят грязь и барахтаются в ней. Зачем? Еще и гордятся этим».